

4. Красимов Ципиш. Високий.
5. Алексей и Ольга.
6. Ленинград. театр им. Ленинского комсомола.
7. Риж. - Товстоногов А.
Косеп. - Левитан Р.
Худ. - Афанасьев Д.

ЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

«АЛЕКСЕЙ И ОЛЬГА» И. ГЕРАСИМОВА И И. ЦИОНСКОГО В ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕАТРЕ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

мым режиссером А. Товстоноговым.

Произведение это близко ленинградскому театру не только своими историческими мотивами и местом действия — оно дорого своим пафосом, перекличкой с основной магистральной темой творчества коллектива, который стремится в сценических творениях своих рассказать о духовном, нравственном богатстве наших молодых людей.

Героям пьесы «Алексей и Ольга» 19 и 17 лет. Ничем особенным, внешне ярким не отмечены их молодые судьбы. И ничем особенно внешне ярким, как уже говорилось, не отмечено движение сюжета. Боец одной из рот, защищавших Ленинград, Алеша Казанцев встретил голодную, замерзшую, потерявшую силы девушку Ольгу Кошкину. Встретил и помог согреться у костра. Ничего особенного, только лицо девушки напомним ему лицо прекрасной статуи, а в сердце вспыхнула нежность, желание быть опорой и другом, желание видеть в угасших глазах живой свет, радость, любовь. Так и случилось.

Вот и все. Вот и весь сюжет, если не считать жанровых подробностей; как,

например, сцены в театре, в загсе, уход Алеши из роты на свидание с Ольгой, его опоздание, оповещение о женитьбе. Все здесь в сущности характеров героев.

Перед молодыми исполнителями, перед режиссером, перед театром стояла двойная задача — двойная, ибо драматургический материал при всей своей цельности и поэтичности, именно в разработке характеров несколько эскизен.

И вот, преодолевая эту эскизность образов артисты В. Яковлев (Алеша Казанцев) и Э. Зиганшина (Оля Кошкина) сумели живо и свежо поздать нам о правде чувств, и вместе с этой правдой еще раз напомнить о том, как прекрасно и высоко звание Человека.

С каждым эпизодом маленькая девушка в старенькой беличьей шубке и белой пуховой шапочке с длинными ушами-завязками (такие носили в 40-х годах) все пытливей выглядывается в простое открытое лицо парнишки в старой гимнастерке, который неумело, по мальчишески передвигает в руках свой автомат. Но есть в его твердых и ласковых интонациях, в его уверенности, в его жизненной

энергии такая убежденность, что потухшие глаза Оли делаются все живее, будто перенимают от Алеши тепло и энергию, свежесть чувства и молодую горячность. Не забыть, как из-за зеленой кружечки горячей воды глянули и осветили эти глаза все вокруг тепло и тихой, неуверенной, но уже пробудившейся радостью жизни.

Но было бы несправедливо и неверно, говоря о спектакле, называть лишь основных героев. Не только их исполнение при всей теплоте, задушевности и талантливости, открывает нам жизнеутверждающее звучание темы. Она отражается и подкрепляется театром в целом ряде эпизодических и, казалось бы, второстепенных сцен. И делается тем отчетливее и выразительнее.

Вспомним актера кукольного театра Дальского в исполнении артиста М. Розанова, который, надев военную форму, в суровую минуту остался мудрым мечтательным художником. Вспомним, как ловко из обрывков старых газет его руки мастерят куклу. И когда заканчивается спектакль, кукла готова. Она как бы подсказывает нам: то, во что верит Дальский, не са

ТЕАТР

горами — будет жизнь, будет театр, будут смеяться и радоваться в нем дети.

Вспомним женщину в загсе (артистка И. Слободская). Не молодая по виду женщина, закутанная от холода в старую телогрейку и платки, тяжело и надрывно кашляющая, вдруг как-бы преображается на наших глазах, услышав о том, что она должна зарегистрировать не смерть, а живой союз любви.

К этим сценам по праву надо было бы отнести и сцену в театре, куда Алексей приводит едва живую Ольгу. Театр в блокадном Ленинграде. Он действительно жил и работал, этот театр, уже своим существованием помогая людям верить в победу и жизнь.

К сожалению, этот эпизод в спектакле носит характер вставного концертного номера. У него нет второго плана, который здесь чувствуется всюду. Это просто сцена из «Марицы», сыгранная безотносительно к месту и времени действия. А ведь второй план так точно проявился во всем. И в действии, и в музыке (Р. Левитан), и в свете (Н. Ерохин), и в работе художника (Д. Афанасьев).

Незабываемая панорама Ленинграда, возникающая в начале и финале спектакля, — она тоже утверждение жизни, ибо в одном имени этого города звучит для нас начало новой эры и рождение нового Человека, высокое звание которого утверждает вся наша действительность. Л. ПОПОВА.